

**Scottish International Conference on Multidisciplinary Research and
Innovation – SICMRI 2026**

**ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ “ТОСКА” И “СОҒИНЧ” В РУССКОЙ И
УЗБЕКСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ
СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ)**

Норова Малика Дилшод кизи,
ассистент-преподаватель, Каршинский
международный университет, г. Карши, Узбекистан,
e-mail: malikanorova294@gmail.com
<https://doi.org/10.5281/zenodo.21473275>

Аннотация. В работе сопоставляются эмоциональные концепты “тоска” и “соғинч” как фрагменты русской и узбекской языковых картин мира. Материалом служат романы Л. Улицкой “Медя и её дети”, В. Пелевина «Чапаев и Пустота», У. Хамдама «Мувозанат» и Исажона Султана «Боқий дарбадар». Установлено, что при общем семантическом ядре (томление по отсутствующему) концепты расходятся по трём параметрам: объекту томления, его культурной оценке и способу разрешения. Русская «тоска» концептуализируется как беспредметное томление-стихия, узбекский «соғинч» — как предметное, биографически укоренённое переживание, введённое в этико-духовный порядок. Выявлена оппозиция разлуки «оплакиваемой» и «принимаемой», описана двухъярусная организация узбекского томления, показана несводимость ряда «соғинч — армон — ғусса» к единому русскому соответствию.

Ключевые слова: эмоциональный концепт, языковая картина мира, тоска, соғинч, лингвокультурология, сопоставительный анализ, национальный менталитет, безэквивалентная лексика

Annotatsiya. Ishda «toska» va «sog‘inch» emotsional konseptlari rus va o‘zbek til olami manzaralarining bo‘laklari sifatida qiyoslanadi. Material sifatida L. Ulitskayaning «Medya i ee deti» («Medeya va uning bolalari»), V. Pelevinning «Chapayev va Pustota»), U. Hamdamning «Muvozanat» hamda Isajon Sultonning «Boqiy darbadar» romanlari olingan. Umumiy semantik o‘zak (mavjud bo‘lmaganga intqlik) saqlangan holda konseptlar uch ko‘rsatkich bo‘yicha farqlanishi aniqlandi: intqlik obyekt, uning madaniy bahosi va hal etilish yo‘sini. Rus «toska»si predmetsiz, stixiyali iztirob sifatida, o‘zbek «sog‘inch»i esa predmetli, biografik ildizli hamda axloqiy-ma’naviy tartibga kiritilgan kechinma sifatida konseptuallashadi. «Yig‘lab o‘tkaziladigan» va «qabul qilinadigan» ayriqchilikka ega bo‘lgan, o‘zbek intqligining ikki yarusli tuzilishi tavsiflangan, «sog‘inch — armon — g‘ussa» qatorining yagona ruscha muqobilga sig‘masligi ko‘rsatilgan.

Tayanch so‘zlar: emotsional konsept, til olami manzarasi, toska, sog‘inch, lingvomadaniyatshunoslik, qiyosiy tahlil, milliy mentalitet, ekvivalentsiz leksika

Abstract. The paper compares the emotional concepts toska and sog‘inch as fragments of the Russian and Uzbek linguistic worldviews. The material comprises the novels «Medya i ee deti» (Medea and Her Children) by L. Ulitskaya, «Chapayev and the Void» by V. Pelevin, «Muvozanat» (Muvozanat, ‘Equilibrium’) by U. Hamdam and «Boqiy darbadar» (Boqiy darbadar, ‘The Eternal Wanderer’) by Isajon Sulton. It is established that, sharing a common semantic core (longing for the absent), the two concepts diverge in three parameters: the object of longing, its cultural evaluation and the mode of its resolution. Russian toska is conceptualized as an objectless, elemental longing, whereas Uzbek sog‘inch is an object-bound, biographically rooted experience embedded in an ethical-spiritual order. The opposition

Scottish International Conference on Multidisciplinary Research and Innovation – SICMRI 2026

of “mourned” and “accepted” separation is revealed, the two-tier organization of Uzbek longing is described, and the irreducibility of the series sog‘inch — armon — g‘ussa to a single Russian counterpart is demonstrated.

Keywords: emotional concept, linguistic worldview, *toska*, *sog‘inch*, cultural linguistics, comparative analysis, national mentality, non-equivalent lexis

1. Постановка проблемы. Категория языковой картины мира, утвердившаяся в отечественной лингвистике трудами Ю. Д. Апресяна и его школы, предполагает, что каждый язык хранит исторически сложившуюся систему представлений о внутренней жизни человека [1]. Эмоциональные концепты образуют один из наиболее культуроносных участков этой системы: именно в них, как показали А. Вежбицкая и Н. А. Красавский, национальная специфика проявляется с наибольшей отчётливостью [2; 4]. Между тем сопоставительная эмотиология охватывает языковые пары неравномерно: русско-узбекское направление, при очевидной культурной и практической значимости, системно не разрабатывалось. Настоящая работа обращена к одному, но диагностически показательному участку этой лакуны — паре эмоциональных концептов «тоска» и «согинч», номинирующих в двух лингвокультурах ностальгическое томление.

Исследование решает три задачи: охарактеризовать концепт «тоска» в его современных текстовых реализациях; охарактеризовать концепт «согинч» на фоне узбекской эмоциональной культуры; установить параметры их схождения и расхождения. Общетеоретическая посылка — тезис Вежбицкой о том, что национальная специфика эмоций коренится в их концептуализации, а не в наборе базовых переживаний [2], — принимается как исходная; новизна работы состоит в её первой верификации на русско-узбекском художественном материале и в трёх конкретных результатах: установлена оппозиция разлуки «оплакиваемой» и «принимаемой» как дифференциальный признак двух эмоциональных культур; описана двухъярусная организация узбекского томления, при которой бытовое служит знаком духовного; показана несводимость лексического ряда «согинч — armon — гусса» к единому русскому соответствию.

2. Материал и методика исследования. Материалом служат четыре романа рубежа XX–XXI веков: «Медея и её дети» Л. Улицкой и «Чапаев и Пустота» В. Пелевина — в русской части, «Мувозанат» У. Хамдама и «Бокий дарбадар» Исажона Султана — в узбекской [7–10]; развёрнутое обоснование методики и полный корпус материала представлены в монографии автора [5]. Эмпирическую базу образует картотека эмотивных контекстов сплошной выборки; в границах настоящей работы привлекаются данные качественного — концептуального, компонентного и контекстуального — анализа, тогда как их количественная и экспериментальная проверка составляет самостоятельную задачу исследования. Сопоставление ведётся по принципу *tertium comparationis* в понимании А. Вежбицкой: не в категориях одного из языков, а относительно нейтральных семантических примитивов, с особым вниманием к безэквивалентным единицам обеих лингвокультур [2].

Отбор корпуса подчинён требованию симметрии: каждая литература представлена двумя противоположными художественными стратегиями — психологически-реалистической (Улицкая, Хамдам) и философски усложнённой (Пелевин, Султан). Подобная конфигурация позволяет отделить национально-культурное в вербализации чувства от жанрового и индивидуально-стилевого: признак, удерживающийся у обоих авторов одной литературы вопреки контрасту их поэтик, с достаточным основанием возводится к языковой картине мира, а не к манере отдельного писателя.

3. Концепт «тоска» в русской языковой картине мира

Языковой субстрат «тоски» описан русистикой достаточно полно. А. Вежбицкая относит эмоциональность и «неагентивность» к семантическим доминантам русского

Scottish International Conference on Multidisciplinary Research and Innovation – SICMRI 2026

языка, а в работах Анны А. Зализняк, И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелёва «тоска» причислена к ключевым, непереводаемым концептам, в которых сплавлены скука, тревога, ностальгия и метафизическая неутолённость [2; 3]. Ю. Д. Апресян продемонстрировал системность встроенной в русскую лексику «наивной психологии», помещающей чувство в душу и сердце и представляющей его скорее стихией, нежели действием субъекта [1]. В терминах эмоционального концепта, с его понятийным, образным и ценностным слоями [4], «тоска» подлежит трактовке не как элементарная эмоция, а как культурно нагруженный комплекс. Текстовый материал корпуса подтверждает такую трактовку, обнаруживая внутри единого концепта две далеко разошедшиеся реализации.

В романе Л. Улицкой представлена тоска-ностальгия — предметная, родовая, привязанная к дому, месту и ушедшим. Её лексическое окружение образуют «память», «прошлое», «запах», «письма»; её вещественным носителем выступает предмет с эмоциональным «шлейфом» — утварь Медеино дома, старые фотографии, крымский сад; её оценка амбивалентно-положительна: тоска здесь равнозначна верности роду. Показательна сцена, в которой героиня, прочитав открывшее ей истину письмо, молча уходит в сад и работает до темноты: переживание не названо ни одним эмотивом, но развёрнуто в поведенческой симптоматике: «[иллюстративная цитата — вставляется по изданию]» [7, с. ...]. Утрата переживается элегически, как память о чувстве; тоска функционирует как способ удержания прошлого, а не как отчаяние.

Иная реализация того же концепта развёрнута в романе В. Пелевина: тоска метафизическая, неприкаянность сознания, утратившего самоё реальность [8]. Её ближайшее лексическое соседство — «пустота», «морок», «сон», «бессмыслица»; оценка отрицательна, однако именно это переживание приводит в движение сюжет духовного освобождения. Инвариант обеих реализаций совпадает с семантическим ядром, очерченным Вежицкой: томление по отсутствующему, недостижимому, неопределённому [2]. Материал, таким образом, документирует историческую подвижность концепта: в культурной ситуации 1990-х годов «тоска» наполняется онтологическим содержанием, не утрачивая исконной беспредметности. Существенно, что ни в одной из реализаций объект томления не восполним: он либо возведён в ранг утраченного мира, либо упразднён вовсе.

4. Концепт «согинч» в узбекской языковой картине мира. Узбекская эмоциональная культура, сложившаяся во взаимодействии исламско-суфийской традиции, классической поэзии тюрко-персидского круга и патриархально-общинного уклада, формирует принципиально иной тип томления. Открытое изъятие сильного чувства подчинено здесь нормам «одоб», «андиша», «хурмат»; прямому высказыванию предпочитается его сублимация в поэтический образ и этикетную формулу, и сама открытость выражения регулируется прагматикой речевого этикета [6]. Классическая газель закрепила за чувством разлуки («хажр», «фироқ») статус духовного ведения с характерной двухплановостью, при которой за любовью земной просвечивает любовь мистическая; этот код наследуется современной прозой почти без потерь.

В романе У. Хамдама «Мувозанат» «согинч» героя не совпадает ни с предметной ностальгией Улицкой, ни с метафизической неприкаянностью Пелевина: это томление по утраченной цельности — по времени, когда мир был устойчив, семья собрана, вера проста, а сам человек внутренне един. Обращённое не к вещам, а к состоянию души, оно маркируется абстрактно-духовной лексикой («рух», «хотиржамлик», «халоват») и образами расстроенного лада — сбитого музыкального строя, потерянной тропы, ушедшей из арыка воды: «[иллюстративная цитата — вставляется по изданию]» [9, с. ...]. Предметный ярус томления — кишлак, отчий дом, мать — роман сохраняет, но подчиняет высшему: тоска по дому прочитывается как земная проекция тоски по равновесию. Такая двухъярусная организация концепта, при которой бытовое служит знаком духовного, воспроизводит матрицу суфийской поэтики.

Существенна включённость «соғинч» в материнский комплекс национальной культуры: томление по матери и вина перед нею принадлежат к наиболее разработанным зонам узбекской словесности, и линия матери и кишлака несёт в романе именно эту нагрузку. Не менее важна лексическая нерасчленённость русского соответствия: узбекская концептосфера разводит «соғинч» (томление по бывшему и утраченному), «армон» (сожаление о несбывшемся) и «ғусса»/«ғам» (тихую печаль-заботу) — ряд, не сводимый к одному русскому слову. Сама эта дробность свидетельствует о культурной проработанности зоны томления и очерчивает устойчивое поле лексической безэквивалентности.

5. Результаты сопоставления. Сопоставительный анализ позволяет сформулировать три вывода. Во-первых, вербализация ностальгического томления в обеих лингвокультурах двухслойна: универсальное семантическое ядро — томление по отсутствующему — сохраняется, тогда как национально-специфическое смещается на периферию, локализуясь в объекте томления, его культурной оценке и способе разрешения. Во-вторых, двум концептам соответствует оппозиция разлуки «оплакиваемой» и «принимаемой»: русская «тоска» эстетизируется, культивируется как интенсивность и глубина переживания (пушкинская «светлая печаль», метафизическая неприкаянность Пелевина), тогда как «соғинч» претворяется — вводится в этику терпения («сабр») и разрешается восстановлением связи: молитвой, возвращением к матери и роду, трудом. В-третьих, различна телеология чувства, то есть внутренняя цель, которой оно подчинено: русское томление обращено к внутренней жизни автономного субъекта и осмысляется как область личного опыта и свободы, узбекское — к нравственно-духовному порядку и осмысляется как путь к ладу.

Общий итог состоит в следующем: национальный менталитет манифестирует себя не в перечне эмоций, а в способе разрешения универсальных эмоциональных коллизий. «Тоска» и «соғинч» представляют одну и ту же человеческую способность томиться по отсутствующему, реализованную в двух несовпадающих культурных грамматиках чувства; художественный текст, концентрирующий эмотивные средства языка, служит наиболее чувствительным свидетельством этого несовпадения.

6. Ограничения исследования и перспективы. Полученные результаты подлежат ряду оговорок. Корпус ограничен четырьмя романами и двумя авторскими идиостилиями на каждую литературу, вследствие чего выводы характеризуют исследованный материал, а не национальные традиции в их полноте; выявленные различия имеют статистический, а не абсолютный характер, поскольку обе традиции располагают обоими полюсами (чеховская сдержанность — внутри русской, экстастика Машраба — внутри узбекской); качественная интерпретация нуждается в независимой верификации.

Такая верификация намечается по двум направлениям. Первое — свободный ассоциативный эксперимент со стимулами «тоска» и «соғинч» у носителей двух языков: правомерно ожидать, что ядро ассоциативного поля «тоска» составят реакции беспредметного томления (осень, дождь, пустота, «сердце щемит»), а ядро «соғинч» — реакции предметно-адресные (она — мать, ватан — родина, уй — дом, болалик — детство). Второе направление — переводоведческое: взаимная безэквивалентность «тоски» и ряда «соғинч — армон — ғусса» вынуждает прибегать к компенсаторным стратегиям (описательный перевод, функциональный аналог, транслитерация с комментарием), систематизация которых на материале переводов корпуса намечается как прикладная задача. Оба направления подчинены единой цели — подтвердить, что контрастивная концептуализация ностальгического томления принадлежит к наиболее диагностичным показателям различия русской и узбекской языковых картин мира.

Список использованной литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
2. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
3. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
4. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
5. Норова М. Вербализация эмоций в художественном тексте как отражение национального менталитета (на материале русской и узбекской литературы): монография. – Карши: ООО «YURISTIM TEAM», 2026. – 85 с.
6. Сафаров Ш. Прагмалингвистика. – Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2008. – 300 б.
7. Улицкая Л. Медя и её дети. – М.: АСТ, 2010. – 320 с.
8. Пелевин В. Чапаев и Пустота. – М.: Вагриус, 1996. – 398 с.
9. Ҳамдам У. Мувозанат: роман. – Тошкент: Шарқ, 2003. – 224 б.
10. Султон Исажон. Боқий дарбадар: роман. – Тошкент: Ўзбекистон, 2011. – 288 б.